

ВСЯЧИНА

изъ

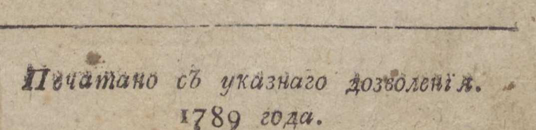
Сочиненій

Г. ВОЛТЕРА

Переведено

съ

Французскаго

Печатано съ указнаго дозволенія.
1789 *года.*

ПРИКЛЮЧЕНІЕ
Мирзы Рюстана.

изЪ

сочиненій

Г. Волтера.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

молодаго Мирзы Рюстана.

Въ Кандагарской области всѣ знаютъ приключеніе молодаго *Рюстана.* Онъ былъ единородный сынъ тамошняго *Мирзы*, котораго достоинство подобно Французскимъ Маркизамъ, или Нѣмецкимъ Баронамъ. Отецъ его имѣлъ довольно хорошій достатокъ. Намѣреніе было женить молодаго *Рюстана*, на дочерѣ другаго, столь же достаточнаго *Мирзы.* Обѣ фамиліи страстно желали видѣть совершеніе сего брака. Отъ него зависѣло утѣ-

шенїе его родителей, благополучїе его супруги, а съ нею и его собственное.

Но по нещастїю увидѣлъ онъ нечаянно Кашемирскую Царевну на ярмонкѣ Кабульской, которая во всемъ свѣтѣ была знатнѣйшая и несравненно многолюднѣйшая, нежели Бассорская и Астраханская: а для чего оной старой Кашемирской Царь на оную прїѣхалъ, о томъ видно будетъ изъ послѣдствїя.

У него пропали двѣ драгоцѣннѣйшїя вещи изъ казенной его палаты; алмазъ величиною въ дюймъ, на коемъ было вырѣзано изображенїе его дочери съ искуствомъ, какое тогда Индѣйцы имѣли и которое послѣ у нихъ во все перевелось, и стрѣла, которая сама собою летѣла, куда пожелаешъ: таковыя вещи у насъ не въ диковинку; но

въ Кашемирѣ онѣ почитались чрезвычайными.

Сїи двѣ драгоцѣнности были украдены Факиромъ его Свѣтлости; Факиръ отдалъ ихъ Принцессѣ говоря: старайтесь сберечь сїи двѣ вещи, отъ нихъ Ваша судьба зависитъ. По семъ уѣхалъ и больше не возвращался. Царь Кашемирскїй пришедъ отъ того въ отчаянїе, предпрїялъ ѣхать на Кабульскую ярмонку, дабы тамо поразвѣдать у купцовъ съѣзжавшихся со всѣхъ четырехъ странъ Свѣта, не привезъ ли кто изъ нихъ для продажи того прекраснаго камня и той стрѣлы самолїотки. Онъ обыкновенно во всѣхъ путешествїяхъ бралъ съ собою и свою Дочь; Она носила всегда при себѣ драгоцѣнной камень, завязавъ оный крѣпко въ свой поясъ, а стрѣлу, кото-

рой не удобно было имѣть, оставила въ Кашемирѣ, спрятавъ ее съ крайнею осторожностїю, въ своемъ Китайскомъ Сундукѣ.

Рюстанъ и Принцесса увидѣлись въ Кабулѣ: они полюбили другъ друга со всею искренностїю, свойственною ихъ молодости, и со всею нѣжностїю природною ихъ землѣ. Принцесса въ залогъ своей любви подарила ему свой алмазъ, а *Рюстанъ* при ея отъѣздѣ, обѣщалъ прїѣхать тайно въ Кашемиру для свиданїя съ нею.

Молодой *Мирза* имѣлъ у себя двухъ любимцовъ, кои служили ему вмѣсто Секретарей, конюшихъ, дворецкихъ и камердинеровъ. Одинъ изъ нихъ назывался *Топазъ*; онъ былъ собою пригожъ, статенъ, бѣлъ какъ черкашенка, тихъ, услужливъ какъ Армянинъ, и разсудителенъ

какъ

какъ Гебръ. Другой по имяни *Обенъ*, былъ весьма пригожїй Арапъ, усерднѣе и хитрѣе, нежели *Топазъ*, и ни чего не почиталъ не возможнымъ. Онъ обЪявилъ имъ о предпрїятїи своего поѣзда. *Топазъ* старался удержать его отъ того съ осторожнымъ усердїемъ слуги, ищущаго всегда здѣлать угодность своему Господину; онъ ему представлялъ всѣ опасности: подумайте, говорилъ ему, въ какое отчаянїе ввергнете Вы двѣ фамилїи; подумайте какъ поразите тѣмъ сердце Вашихъ родителей. Онъ поколебалъ *Рюстана*; но *Обенъ* ободрилъ и успокоилъ востревоженную его душу.

У молодаго *Мирзы* не доставало денегъ для столь далекаго путешествїя. Разумной *Топазъ* не ссудилъ бы его въ такомъ не достаткѣ; а *Обенъ* и оными его снаб-

дилъ. Онъ взялъ искусно у своего Господина алмазъ, здѣлалъ на мѣсто онаго фальшивой, весьма съ онымъ сходственной, и положа его на прежнее мѣсто, заложилъ настоящій въ нѣсколькихъ тысячахъ рупій, Армянину.

Когда *Маркизъ Рюстанъ* получилъ рупіи, то и къ поѣзду все было готово. На Слона навьючили весь багожъ, и *Рюстанъ* сѣлъ на лошадь. *Топазъ* сказалъ своему господину: я имѣлъ смѣлость удерживать Васъ отъ предпріятія, а за тѣмъ надлѣжитъ теперь мнѣ Вамъ повиноваться; я Вамъ преданъ, люблю Васъ и послѣдую за Вами на самой край свѣта; но на пути во просимъ Оракула, которой отсюда на двѣ парасанги. *Рюстанъ* былъ на то согласенъ. Оракулъ прорекъ: *если Ты ѣдешъ на Востокъ, то*

будешъ

будешъ на Западѣ. Рюстанъ ни чего не понялъ изъ сего отвѣта. *Топазъ* утверждалъ, что въ немъ ни чего добраго не заключалось. *Обенъ* всегда своему Господину благопрïятствуя увѣрялъ, что тотъ отвѣтъ былъ весьма Ему въ пользу.

Другой Оракулъ былъ въ Кабулѣ; они и туда заѣхали. *Оракулъ* Кабульской отвѣчалъ имъ: *хотя Ты владѣешъ, но владѣть не будешъ: хотя Ты побѣдитель; но не побѣдишъ; хотя Ты Рюстанъ, но небудешъ Рюстаномъ.* Сïе прорицанïе было еще больше не вразумительно, нежели первое. Берегитесь, сказалъ *Топазъ*. Не бойтесь говорилъ *Обенъ;* и сей совѣтъ, какъ всякъ разсудить можетъ, всегда казался справедливымъ молодому *Мирзѣ*, по тому что угождалъ его страсти и ободрялъ его надежду.

По выѣздѣ изъ Кабулы, ѣхали онѣ дремучимъ лѣсомъ; тутъ сѣли они на травѣ ѣсть, а лошадей пустили пастись. По томъ стали развьючивать слона, на коемъ были положены всѣ съѣстные припасы и весь столовой приборъ; но осмотрясь увидѣли, что въ маломъ семъ караванѣ не было ни *Топаза* ни *Обена*. Ихъ окликали, по всему лѣсу отдавалось Эхо *Топазъ! Обенъ!* Служители по всѣмъ мѣстамъ ихъ искали и наполняли лѣсъ ужаснымъ крикомъ. Они возвратились ни кого не видя и неслыша ни какого отзыву. Мы ни кого не отыскали, говорили они *Рюстану*, а видѣли только Ястреба, которой сильно бился съ Орломъ, и такъ его терзалъ, что съ него перья летѣли. Сія пересказанная битва поразила любопытство *Рюстаново;* онъ пошелъ пѣшъ на мѣ-

сто,

сто; но не нашелъ ни Орла ни Ястреба, а увидѣлъ навьюченнаго Слона, на котораго нападалъ большой Единорогъ; одинъ хоботомъ, другой рогомъ между собою бились. Единорогъ завидя *Рюстана*, убѣжалъ отъ своего соперника. Слона отвели на свое мѣсто; но лошадей не могли отыскать. Какія чудныя приключенія случаются въ лѣсахъ проѣзжимъ, говорилъ *Рюстанъ*. Служители были испуганы, а Господинъ въ отчаяніи, лишась вдругъ лошадей и своихъ вѣрныхъ любимцовъ *Обена* и *Топаза*, къ которому всегда имѣлъ уваженіе, хотя никогда съ его мыслями не былъ согласенъ.

Надежда увидѣть въ скоромъ времяни свою любезную Кашемирскую Принцессу, его утѣшала между тѣмъ, какъ онъ наѣхалъ на

 боль-

большаго пѣгаго Осла, котораго сильной и злой дѣтина нещадно билъ дубиною. Такїе Ослы бываютъ отмѣнно красивы, рѣдки, и легки въ бѣгу. Но сей за всякимъ ударомъ такъ сильно лягалъ, что кажется не устоялъ бы отъ того и дубъ на своемъ корнѣ. Молодой *Мирза* вступился справедливо за Осла, который былъ весьма прекрасной звѣрь. Дѣтина сущей Олухъ ушелъ, сказавъ ослу: ужо я тебѣ отплачу. Оселъ благодарилъ на своемъ языкѣ своему избавителю, подошелъ къ нему, далъ себя гладить и поглядывалъ на него видомъ кроткимъ. *Рюстанъ* отобѣдавъ, сѣлъ на осла и отправился по пути въ Кашемиру съ своими служителями, изъ коихъ одни шли пѣши, а прочїе ѣхали на Ослѣ.

Едва лишъ сѣлъ онъ на своего Осла, какъ вдругъ сїя скотина съ Кашемирской дороги поворотила въ Кабулу. *Рюстанъ* усиливался своротить его съ дороги, дергалъ уздою, билъ ногами, шпорами, попускалъ узду, къ себѣ тянулъ, стегалъ плѣтью по бокамъ; но упрямой оселъ все тащилъ его въ Кабулу.

Когда такимъ образомъ *Рюстанъ* потѣлъ, досадовалъ, отчаявался, наѣхалъ встрѣчу ему Купецъ торгующїй Верблюдами, говоря: государь мой, я вижу что оселъ вашъ негодная скотина, тащитъ васъ куда ненада; естьли Вы мнѣ его уступите, я вамъ дамъ за него четырехъ любыхъ верблюдовъ. *Рюстанъ* благодарилъ судьбу, что напалъ на такой выгодной обмѣнъ. *Топазъ*, говорилъ онъ, неправо утверждалъ, что мой путь будетъ не

благо-

благополученъ. Онъ садится на лучшаго верблюда, а другїе три идутъ за нимъ слѣдомъ; скоро нагналъ онъ свой караванъ и ѣхалъ путемъ обѣщавающимъ ему благополучїе.

Проѣхавъ четыре Парасанга, остановленъ онъ былъ глубокимъ, широкимъ и стремительнымъ протокомъ, котораго пѣнистая вода стремительно бѣжала съ горъ покрытыхъ густою пѣною. Оба берега крутизною своею представляли ужасную пропасть, на которую нельзя было взглянуть не обмертвѣвъ отъ страха. Не было ни какихъ средствъ ни переѣхать ни поворотить въ ту, или въ другую сторону. Я начинаю сомнѣнїемъ колебаться, говорилъ *Рюстанъ*, и вѣрить что *Топазъ* справедливо опорачивалъ мою поѣздку, и что я безразсудно пустился въ сїе предпрїятїе;

приятїе; жаль что его нѣтъ, онъ могъ бы мнѣ дать какой нибудь полезной совѣтъ. Еслибъ былъ при мнѣ *Обенъ*, онъ не допустилъ бы меня быть въ такомъ унынїи и придумалъ бы на сїе свои способы; но я всѣхъ ихъ лишился. Смятенїе его и паче еще умножилось страхомъ его служителей: ночь была темная; всѣ не спали и были погружены въ печаль. На конецъ послѣ трудовъ и изнеможенїя влюбленной путешественникъ предался сну. По утру пробудясь, увидѣлъ онъ прекрасной мраморной мостъ, чрезъ всю оную пропасть лежащїй.

При узрѣнїи сего всѣ были въ восторгѣ, удивленїи и радости. Какъ сїе совершилось? не мечта ли? какое чудо! какое очарованїе! Ѣхать ли чрезъ него? всѣ становились на колѣни, вставали, подходили къ мосту,

сту, лобызали землю, возводили очи на небо, простирали руки, восходили на мостъ со страхомъ, ходили по немъ въ задъ и въ передъ, и всѣ были въ восторгѣ. Конечно небо мнѣ благопріятствуетъ, говорилъ *Рюстанъ*: *Топазъ* не разумѣлъ ничего, представляя опасности: Оракулы провѣщали въ мою пользу; *Обенъ* во всемъ справедливъ; но почто его здѣсь нѣтъ.

Едва онъ со свитою своею переправился черезъ мостъ, вдругъ оной исчезъ, провалясь въ воду съ ужаснымъ шумомъ. Хорошо! хорошо! вскричалъ *Рюстанъ*; благодарю Небо; оно не благоволитъ, чтобъ я возвратился въ свою землю, гдѣ былъ бы я только простымъ Дворяниномъ. Ему угодно, чтобъ я сочетался бракомъ съ любезною Кашемирскою Царевною. Я буду Кашемир-

шемирскимъ Царемъ; въ то время владѣя моею любовницею, не буду я владѣть моимъ маленькимъ маркизствомъ въ Кандагарѣ. Я буду *Рюстаномъ* и не буду *Рюстаномъ*; ибо здѣлаюсь великимъ Государемъ. Такимъ образомъ большая часть пророчества совершенно истолкована въ мою пользу; прочее такъ же будетъ истолковано: я преблагополучнѣйшій человѣкъ; но почто лишился я *Обена?* я объ немъ несказанно больше сожалѣю, нежели о *Топазѣ*.

Онъ проѣхалъ еще нѣсколько парасангъ въ наивеличайшей радости; но къ вечеру вѣхали они въ горы неприступныя и превысокія; путь ихъ прекратился и новой страхъ паки ихъ объялъ.

Всѣ возопили: тутъ надлежитъ намъ погибнуть; мостъ исчезъ для

того, чтобъ мы болѣе не помышляли о возвращенїи; а Горы сїи воздвигнуты для отнятїя у насъ всѣхъ способовъ, продолжать далѣе путь. О *Рюстанъ!* нещастный Баронъ Кандагарской! не видать намъ вѣчно Кашемиры, не возвращаться намъ болѣе въ землю Кандагарскую.

Послѣ чрезмѣрной радости, коею *Рюстанъ* былъ исполненъ и послѣ надежды, коею онъ толико восхищался, душа его была объята ужасною печалїю и смертельнымъ унынїемъ. Уже онъ и помыслить не могъ, чтобъ пророчества благополучїе ему предвѣщали. О небо! о духъ покровительствующїй! почто лишился я моего друга *Топаза.*

Между тѣмъ, какъ произносилъ онъ сїи слова, испуская тяжкїя воздыханїя, и обливаясь горкими слезами, въ присутствїи своихъ отчаянныхъ

послѣ-

послѣдователей, вдругъ подошва горы разступается, и огромная галлерея со сводами, освѣщенная множествомъ факеловъ, представляется удивленному ихъ взору. *Рюстанъ* при видѣніи семъ пришелъ въ восторгъ, а служители его пали на колѣни и потомъ ницъ на землю, вскрича: *Чудо! Рюстанъ* наперстникъ Витсновъ и возлюбленъ Брамою: онъ будетъ Властитель міра: *Рюстанъ* всему тому вѣрилъ, онъ былъ внѣ себя, почиталъ себя безподобнымъ. А *Обенъ!* любезный мой *Обенъ*! гдѣ ты? почто не зришъ всѣхъ сихъ чудесъ? Какъ я тебя лишился? Прекрасная Кашемирская Царевна, когда узрю я твои прелести?

Онъ ѣдетъ съ своими служителями; за нимъ шелъ слонъ и верблюды подъ сводами горы, за

 кото-

которою представился лугъ испещренной цвѣтами и извивающимися ручьями; близъ лугу были аллеи усаженные деревьями, а за аллеями протекала рѣка, по коей лежали увеселительные домы съ прекрасными садами. По всюду слышна была инструментная и голосная музыка и видны танцы; онъ поспѣшаетъ перейти рѣку чрезъ мостъ, спрашиваетъ перваго встрѣчнаго: Какая это земля?

Ему отвѣчаютъ: Вы въ Кашемирской области. Мы, жители ея, въ радости и веселіи празднуемъ бракосочетаніе нашей прекрасной Царевны, которую выдаютъ въ супружество за *Барбабу*; да продлитъ небо благополучную ихъ жизнь. При сихъ словахъ *Рюстанъ* обмертвѣлъ, а Кашемирянинъ почелъ, что у него падучая болѣзнь. Онъ принесъ его

въ свой домъ, гдѣ долго лежалъ онъ безъ памяти. Побѣжали за двумя преискуснѣйшими Врачами: они щупали пульсъ у него, а онъ чуть опамятовавшись воздыхалъ, вытопропя глаза и крича: *Топазъ, Топазъ*, Ты правду сказалъ!

Одинъ изъ Докторовъ сказалъ Кашемирянину: я примѣчаю по произношенїю, что сей молодой человѣкъ изъ Кандагары, и что здѣшней воздухъ ему не здоровъ; надобно его въ свою отчизну отправить; я вижу изъ его глазъ что онъ одурѣлъ, оставте его на мое попеченїе, я его отвезу въ Кандагару и онъ будетъ здоровъ. Другой Врачь увѣрялъ, что онъ боленъ съ тоски; надобно, говорилъ онъ, повести его на свадьбу Кашемирской Царевны и заставить поплясать. Между тѣмъ какъ они такой дѣлали Консилїумъ,

 боль-

больной пришелъ въ чувство; оба Врача были отпущены; а *Рюстанъ* остался на единѣ съ Хозяиномъ.

Государь мой, сказалъ ему *Рюстанъ*, простите мнѣ, что я предъ вами палъ въ обморокъ; такой поступокъ не приличенъ; и я прошу васъ принять отъ меня Слона въ знакъ признательности за то старанїе, какое Вы мнѣ оказали. Потомъ разсказалъ онъ ему всѣ свои приключенїя, не открывая отнюдь о намѣренїи своего прїѣзда. Прошу васъ именемъ Витсну и *Брамы*, скажите мнѣ, кто таковъ сей щастливой *Барбабу*, которой сочетавается бракомъ съ прекрасною Кашемирскою Царевною, для чего ея отецъ избралъ его себѣ зятемъ и для чего Царевна удостоила его быть своимъ супругомъ.

Государь мой, отвѣчалъ Кашемирянинъ, Царевна никакъ не удостоиваетъ его и именемъ своего супруга: она горько плачетъ, въ сіе самое время, какъ весь народъ торжествуетъ съ радостію, ея бракосочетаніе; она затворилась въ замкѣ своего Дворца и не хочетъ видѣть никакихъ веселостей для нее приготовленныхъ. *Рюстанъ* услыша сіе, возчувствовалъ въ себѣ душевное удовольствіе; цвѣтъ лица его измѣнившейся отъ печали, паки наполнился живостію. Скажи мнѣ пожалуй, продолжалъ онъ, для чего Царь Кашемирскій неволею выдаетъ сію царевну за ненавистнаго ей *Барбабу*.

А вотъ для чего, отвѣчалъ Кашемирянинъ. Вы чаю знате, у Царя нашего пропалъ большой алмазъ и стрѣла, кои онъ предпочиталъ

 всему

всему на свѣтѣ? знаю, довольно знаю, говорилъ *Рюстанъ*. Сіи самыя двѣ драгоцѣнности, говорилъ Хозяинъ, коихъ по долговременномъ развѣдываніи во всѣхъ краяхъ свѣта не могли ни гдѣ отыскать, повергли нашего Царя въ такое отчаяніе, что онъ обѣщалъ выдать въ супружество свою дочь за того, кто одну или обѣ изъ тѣхъ вещей ему принесетъ. На сіе объявленіе пріѣхалъ *Барбабу* съ онымъ алмазомъ и завтре сочетается бракомъ съ нашею Царевною.

Рюстанъ поблѣднелъ, запинался въ словахъ, изъявляя благодарность; по томъ простился съ Хозяиномъ и побѣжалъ на своемъ Скоробѣгѣ Верблюдѣ въ Столицу, гдѣ должно было совершиться брачное торжество. Онъ пріѣзжаетъ къ Царскому Дворцу, объявляетъ что имѣетъ

до-

донесть о важномъ дѣлѣ и требуетъ, чтобъ его допустили къ Царю. Ему говорятъ что Царь занятъ брачными пріуготовленіями. Дѣло мое до того самаго и касается, отвѣчалъ онъ; его вводятъ, и онъ спѣшитъ предстать предъ Царя. Милостивый Государь, говоритъ онъ, да увѣнчаетъ небо дни Ваши славою и великолѣпіемъ! Вашъ зять плутъ.

Какъ? плутъ! смѣешъ ли то сказать? Кто говоритъ такъ предъ Царемъ о зятѣ имъ нареченномъ? Конечно плутъ, повторилъ *Рюстанъ*; и въ доказательство извольте принять отъ меня Вашъ алмазъ.

Царь въ удивленіи сличилъ оба алмаза; и какъ былъ худой знатокъ въ сихъ вещахъ, то и не зналъ который изъ нихъ былъ настоящій. Теперь, говорилъ онъ, имѣю я два

 алма-

алмаза и одну дочь; вотъ странное замѣшательсто! онъ призвалъ *Барбабу* и спросилъ: не обманулъ ли онъ его? *Барбабу* клялся, что онъ купилъ у Армянина; но другой не открывалъ отъ кого ему тотъ камень достался, а предложилъ Царю окончить сей споръ битвою. Зятю Вашему, говорилъ *Рюстанъ*, не довольно того, что онъ имѣетъ алмазъ надобно такъ же, чтобъ онъ показалъ свою храбрость. Не угодно ли Вашему Царскому Величеству наше прѣнїе кончить тѣмъ, что кто кого убьетъ, тотъ долженъ получить въ супружество и Вашу дочь. Очень хорошо, отвѣчалъ Царь, сїе позорище весьма забавно будетъ для моихъ Придворныхъ; подите бѣйтесь, побѣдитель долженъ владѣть оружїемъ побѣжденнаго по обычаю Кашемир-

скому

скому и ему достанется въ супружество моя дочь.

Тотъ же часъ оба Совмѣстника вышли на площадь. На крыльцѣ сидѣла Сорока и Ворона. Воронъ кричалъ бѣйтесь, бѣйтесь; Сорока кричала не бѣйтесь. Царь смѣялся слушая какъ они перекрикивались; оба Соперника не смотрѣли на тотъ крикъ: они начали бой; всѣ придворные стояли около нихъ въ кругловеньку. Царевна сидѣла заключенная въ замкѣ, не хотя и смотрѣть на сіе сраженіе; она не могла обдумать; чтобъ ея любовникъ былъ въ Кашемирѣ, а *Барбабъ* толико былъ ей ненавистенъ, что она и видѣть его не желала. Сраженіе произходило весьма для зрителей весело. *Барбабъ* былъ убитъ и народъ радовался тому для того, что онъ былъ дуренъ, а *Рюстанъ*

весьма пригожъ: по такимъ видамъ почти всегда народъ судитъ и доброжелательствуетъ.

Побѣдитель надѣлъ на себя Панцырь, перевязь и шлемъ побѣжденнаго, и шелъ въ препровожденіи всего двора и при играніи музыки, предъ окна своей обладательницы. Всѣ кричали: Прекрасная Царевна, выйди и воззри на Прекраснаго своего Супруга, которой убилъ своего мерзкаго соперника. Дѣвицы ея повторяли тѣже слова. Царевна выглянувъ по нещастію въ окно, увидѣла предъ собою вооруженнаго оружїемъ ей ненавистнаго *Барбабу*, побѣжала въ отчаяніи къ своему сундуку, пустила злую стрѣлу; а Стрѣла полетѣла и поразила ея любезнаго *Рюстана*. Онъ поднялъ крикъ; Царевна по голосу узнала,

что

что то былъ *Рюстанъ*, нещастный ея любовникъ.

Она выходитъ съ растрепанными волосами, имѣя глаза помраченные и сердце преисполненное смертельнымъ унынїемъ и отчаянїемъ. *Рюстанъ* палъ окровавленной въ объятїя ея отца. Она на него взираетъ. О часъ! О видѣнїе! О усердїе, коего скорбь, нѣжность и ужасъ несказанны! Она упадаетъ на него, обнимаетъ: прїйми, говоритъ, прїйми первые и послѣднїе объятїя Твоей любезной и Твоей убїйцы: по томъ вынимаетъ изъ него стрѣлу, вонзаетъ ее въ свое сердце и умираетъ, упавъ на Любовника ею обожаемаго. Отецъ устрашенной, изумленной, пораженный смертельнымъ ужасомъ, старается возвратить ей жизнь; но всѣ пособїя его были уже тщетны. Онъ клянетъ

нетъ злодѣйственную стрѣлу, ламаетъ въ куски, бросаетъ ее и алмазъ; и между тѣмъ какъ приуготовляютъ вмѣсто брака похороны его дочери, повелѣваетъ онъ перенести во Дворецъ *Рюстана*, орошеннаго кровїю и со смертїю борющагося.

Его полагаютъ на постѣль. За первымъ взглядомъ примѣчаетъ онъ *Топаза* и *Обена* стоящихъ по сторонамъ сего смертнаго Одра. Удивленїе придаетъ ему нѣсколько бодрости. Ахъ! жестокїе! сказалъ онъ имъ, почто Вы меня оставили? можетъ быть Царевна не лишилась бы еще жизни, если бы Вы не покинули нещастнаго *Рюстана*. Я не отставалъ отъ Васъ ни на минуту, сказалъ ему *Топазъ*. И я всегда былъ при Васъ, повторилъ *Обенъ*.

Ахъ! что Вы говорите? Еще ли не перестанете причинять мнѣ

огор-

огорченія и при послѣднемъ часѣ жизни, говорилъ *Рюстанъ* полумертвымъ голосомъ. Повѣрте мнѣ, продолжалъ рѣчь *Топазъ*; Вамъ извѣстно, что я всегда отвращалъ Васъ отъ сей погибельной поѣздки, которой ужасные слѣдствія мнѣ были извѣстны. Я былъ Орломъ, которой сражался съ Ястребомъ меня терзавшимъ; я былъ Слономъ, которой увезъ Вашъ багажъ для того чтобъ Васъ приневолить возвратиться въ свое отечество: я былъ тѣмъ пѣгимъ Осломъ, которой противъ воли Васъ тащилъ домой; я угналъ Вашихъ лошадей въ лѣсъ; я представилъ ту водную пропасть, которая препятствовала Вамъ переправиться; и воздвигнулъ ту высокую гору, которая заграждала Вамъ сей злополучный путь; я былъ Врачемъ, которой совѣтовалъ

валъ Вамъ пользоваться своимъ природнымъ воздухомъ; и тою Сорокою, которая кричала: *не бѣйтесь*.

А я, сказалъ *Обенъ*, я былъ Ястребомъ, которой терзалъ Орла, Единорогомъ біющимъ Слона, тѣмъ злымъ дѣтиною, которой билъ своего пѣгаго Осла, купцомъ промѣнявшимъ Вамъ четырехъ своихъ Верблюдовъ ради ускоренія Вашей погибели; я построилъ мостъ, по коемъ Вы переѣхали, я уравнялъ горы, сквозь кои Вы проѣхали, я былъ тѣмъ Врачемъ, которой совѣтовалъ Вамъ плясать, и Ворономъ, которой кричалъ: *бѣйтесь*.

Увы! сказалъ *Топазъ*; вспомните теперь о пророчествѣ! *Если Ты поѣдешъ на Востокъ, то будешъ на Западѣ.* Такъ подлинно, говорилъ ему *Обенъ*, здѣсь мертвыхъ погребаютъ лицемъ къ Западу:

ду: Оракуловы предсказанія явственны, за чемъ Вы худо ихъ разумѣли. *Ты имѣлъ, но больше не имѣешъ*: ибо Вы имѣли алмазъ, но онъ былъ фальшивой и Вы о томъ не знали. *Ты побѣдитель и умираешъ; Ты Рюстанъ, а теперь уже тебя не будетъ.* Все совершилось.

Во время сего разговора, *Топазъ* покрылся четырмя бѣлыми крыльями, а *Обенъ* четырмя же черными. Что вижу я! вскричалъ удивленный *Рюстанъ*. Ты видишъ, отвѣчали они оба, двухъ духовъ. Ахъ, друзья мои, продолжалъ нещастной *Рюстанъ*, почто Вы въ Судьбу мою мѣшались и что мнѣ въ Васъ пользы? Таковъ есть законъ, отвѣчали ему. Я былъ къ тебѣ приставленъ, говорилъ *Топазъ*, дабы бдѣть за тобою до послѣдняго

твоего

твоего издыханія; теперь я долгъ мой исполнилъ.

Но если ты приставленъ для предостереженія меня, говорилъ *Рюстанъ*, то худо исполнилъ ты свое званіе, попустивъ меня обмануться во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ и доведши до того, что я и любовница моя нещастно умираемъ. Увы! такова твоя Судьба, сказалъ ему *Топазъ*. Судьба! такъ что мнѣ пользуетъ твое присутствіе? А ты чернокрылой *Обенъ*, по что меня смущалъ и довелъ своими злыми совѣтами до погибели трехъ человѣкъ, *Барбабу*, Царевну и меня. Такова моя должность, отвѣчалъ ему *Обенъ*. Прѣніе между ими долго происходило. *Рюстанъ* ихъ вопрошалъ, а они отвѣчали; и все ихъ разглагольствіе было не понятно и нерѣшимо. Потомъ

томъ все въ мигъ исчезло. *Рюстанъ* очутился въ домѣ у Царя своего родителя, откуда и не выходилъ ни куда, а лежа въ постелѣ спалъ цѣлой часъ крѣпкимъ сномъ.

Онъ пробужается отъ страху, весь въ поту и въ забытїи; оглядывается, кличетъ, кричитъ, звонитъ. Камердинеръ его *Топазъ* прибѣгаетъ къ нему въ колпакѣ и отъ заспанья сильно зѣваетъ. Живъ ли я, или мертвъ? вскричалъ *Рюстанъ*. Прекрасная Кашемирская Царевна избавилась ли отъ смерти? — брѣдите, милостивый Государь, отвѣчалъ ему съ холодностїю *Топазъ*.

Ахъ! вскричалъ *Рюстанъ*, что здѣлалось съ злоковарнымъ чернымъ четырекрылатымъ *Обеномъ*, кото-

рой причинилъ мнѣ такую лютую смерть? — Онъ лежитъ въ верху, милостивый Государь, и храпитъ; не прикажете ли его кликнуть? — Цѣлые полгода страдаю я отъ гоненія сего бездѣльника, продолжалъ *Рюстанъ*; онъ завелъ меня, на нещастную Кабульскую ярмонку; онъ спроворилъ у меня алмазъ полученной мною въ подарокъ отъ Кашемирской Царевны; онъ присовѣтовалъ мнѣ поѣздку; онъ причинилъ Царевнѣ смерть; и онъ виновникъ тому пораженію, отъ коего я въ цвѣтущихъ лѣтахъ умираю.

Опомнитесь, милостивый Государь, кричалъ ему *Топазъ*; Вы никогдя не были въ Кабулѣ. Кашемирской Царевны и на свѣтѣ не бывало; у отца ея только двое сыновей, кои и теперь находятся

въ

въ училищѣ. У васъ не было алмаза; и Царевна не можетъ быть мертва, потому что она не родилась; а Вы находитесь въ наилучшемъ состоянии въ свѣтѣ.

Какъ? ты не былъ при мнѣ, когда я лежалъ при смерти на постелѣ Кашемирскаго Царя? Не самъ ли мнѣ признался, что для избавленія меня отъ погибели, превращался ты въ Орла, Слона, пѣгаго Осла, въ Лѣкаря и въ Сороку. Все сіе, милостивый Государь, видѣли Вы во снѣ: наши мысли равно не во власти нащей бываютъ во снѣ, какъ и на яву. Сіе сплетеніе мыслей въ Вашей головѣ произошло случайно въ наставленіе Вамъ, которымъ Вы можете воспользоваться.

Ты смѣешся надо мною, говорилъ ему *Рюстанъ*; сколько времени я спалъ? Вы спали, милостивой Государь, только одинъ часъ. Изрядно, негодной умникъ; какъ же можно мнѣ въ одинъ часъ быть на Кабульской ярмонкѣ, чему уже минуло 6 лѣтъ, оттуда возвратиться, съѣздить въ Кашемиру и тамо видѣть умершимъ *Барбабу*, Царевну и себя? ни чего нѣтъ возможнѣе и обыкновеннѣе, милостивый Государь; и Вы дѣйствительно въ кратчайшее время могли бы объѣздить всю вселенную, и видѣть еще и того больше приключенiй.

Не правда ли, что Вы можете въ часъ прочитать сокращенiе Исторiи персидской, писанной Зороастромъ; а сiе сокращенiе содер-

житъ

житъ въ себѣ восемь тысячь лѣтъ. Всѣ сіи произшествіи одно по другомъ совершаются въ Вашихъ глазахъ не больше, какъ въ одинъ часъ. А Вы признаетесь, что Брамѣ столько же возможно совокупить воспослѣдованіе ихъ въ одинъ часъ, какъ и распространить на восемь тысячь лѣтъ. Сонъ Вашъ на тоже походитъ; представте, что теченіе времени совершается обращеніемъ большаго колеса, коего Діаметръ безконечный. Подъ симъ неизмѣримымъ колесомъ находится безчисленное множество другихъ колесъ одно къ другому присоединенныхъ; самое среднее въ центрѣ не примѣтно, и совершаетъ безчисленное множество оборотовъ въ тоже самое время, когда большое колесо одинъ только разъ обращается. Изъ сего явственно видно,

но, что всѣ произшествія отъ начала до конца мира, могутъ совершиться послѣдовательно, или непрерывно одно за другимъ въ меньшее время, нежели въ стотысячную часть секунды; и можно сказать, что все то и есть такъ дѣйствительно.

Я ни чего не понимаю изъ твоихъ рѣчей, сказалъ ему *Рюстанъ*. Не угодно ли, говорилъ *Топазъ*, я достану Вамъ попугая, которой все то ясно можетъ Вамъ растолковать. Онъ живетъ на свѣтѣ изъ древнихъ вѣковъ, много видѣлъ всякой всячины; а отъ роду ему не больше полутора года: онъ Вамъ разскажетъ свою повѣсть; она весьма любопытна.

Бѣги скорѣе за нимъ, сказалъ *Рюстанъ*; я позабавлюсь имъ меж-

ду тѣмъ, пока сонъ меня одолѣетъ. Онъ у моей сестрицы М.*** Я за нимъ пойду, вы будете довольны; разсказы его очень вѣрны, просты, не высокоумственны не къ статѣ, и безъ всякихъ реторическихъ правилъ. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ ему *Рюстанъ;* я такія сказки люблю. Скоро къ нему принесли попугая. Онъ говорилъ много; но повѣсть его утратилась.

Конецъ. —

ГПБ Русский фонд
18.209.5.31.
2634
1888